

«Стоит ли былое вспоминать...»

(Вадим Шефнер)

Мой прадед Гилярий Иванович Руцкий и его семья

Автор: Измайлова Александра Сергеевна
г. Красноярск МБОУ СШ№64, 9 класс,
Руководитель: Купрякова Ирина
Владимировна, учитель истории МБОУ
СШ№64,

Память в картонной папке

Моя самая любимая песня военных лет – это «Песня фронтового шофёра» композитора Б. Мокроусова на слова поэта Б. Ласкина. Когда слышишь её задорный мотив, под который ноги сами пускаются в пляс, забываешь совсем не весёлый смысл песенных строк:

«Путь для нас к Берлину, между прочим,
Был, друзья, не лёгок и не скор.
Шли мы дни и ночи,
Было трудно очень...»

Спросите, почему именно это, на первый взгляд легкомысленное произведение песенного искусства военного времени мне нравится? Да всё просто. В эти минуты я вспоминаю своего прадеда, который прошёл по фронтовым дорогам длинный путь от страшного 1941-го года до победного 1945-го на фронтовых полутораках.

Что я знаю о нём, да и всей этой ветви нашей семьи? Когда два года тому назад несмышлёной шестиклашкой я писала в классе сочинение о прадеде к празднованию Победы, оказалось, что написать мне почти нечего. Пришлось дома долго расспрашивать всех родных, а главное, нашего домашнего летописца, мою бабушку – Довнар Нину Сергеевну. Сочинение получилось небольшим и из него мне запомнилось больше всего необычное имя прадеда – Гилярий Иванович Руцкий. А ещё я запомнила, что прадед на войне имел отношение к грузовым машинам. Ах, как я тогда сокрушалась: не танкист, не лётчик, а шофёр. Совсем негероично!

Но я выросла, мой интерес к прадеду, который умер задолго до моего рождения, не исчезал. Память, о нём в семье хранят бережно в пожелтевшей картонной папке в виде разнообразных документов, потёртой красной подушечки, на ней рядками расположились награды, несколько старых фотографий, с которых смотрит на меня бравый солдат. И вот наступил момент, когда я всей душой захотела узнать, как можно больше об этом человеке. Он, такой далёкий от меня, неожиданно стал очень близким и родным. Наверное, так происходит со всеми нами, когда мы обращаемся к истории своей семьи, и обезличенные имена вдруг обретают плоть и кровь и становятся для тебя живыми людьми.

Я благодарна своей бабушке, которая сохранила архив прадеда. Но, к сожалению, наше прошлое стирается очень быстро: теряются документы, путаются в памяти события, даты, уходят люди, от которых можно было узнать много интересного. Вот теперь я понимаю, время - самый страшный наш враг, оно неумолимо мчится вперёд, человек за ним не поспевает. И сегодня я пишу о Гилярии Ивановиче, собирая по крохам то, что уцелело, о чём-то догадываясь,

что-то додумывая. Но я должна это сделать, так как чувствую странную потребность попытаться восстановить жизнь моих близких целиком из разрозненных осколков. Вот что получилось.

Из белорусского Полесья на берега Енисея.

В далёкой деревни Лучное Червинского района республики Беларусь проживала большая и работающая крестьянская семья Руцких. У Ивана и Марии было семеро детей: сыновья Вацлав, Станислав, Гилярий, Мечислав и дочери Анеля, Амеля, Идаля. Как все крестьянские семьи, пережившие тяжёлые времена, начало XX века, они познали много горя и лишений. Отгрохотали Первая Мировая война, революции, Гражданская война, но покоя на этих землях не наступало ещё очень долго.

К сожалению, не сохранились фотографии, на которых была бы запечатлена семья Руцких. Я думаю, что ничего удивительного в этом нет: глухая белорусская деревня, где о фотографе, наверное, и не слыхивали. Из того, что я знаю о том времени, прочитанном в книгах, рисуется моему воображению такая картина: убогие хатки под соломенными крышами, да гнездо аиста на старом дубе, а за околицей деревни непроходимая чащоба белорусского Полесья, а за этим, шатким покоем, убивают друг друга люди – неизвестно зачем.

И время тяжёлое, голодное. Кто прав, кто виноват – откуда это знать деревенским жителям. Ни Иван, ни Мария не были обучены грамоте. У всех детей в семье Руцких всего-то несколько классов сельской школы, которую им закончить не довелось. У Гилярия Ивановича, третьего по счёту сына в семье, в документах значится всего 6 классов сельской школы. Вероятно, свою главную науку – крестьянский труд - братья и сёстры Руцкие осваивали, работая тяжело на своей земле.

До здешних мест политические изменения докатывались долго и не очень влияли на жизнь людей, живших там. К 1929-му году в деревне не было ещё даже колхоза. Вели крестьяне каждый своё единоличное хозяйство. По крайней мере, семья Руцких точно была единоличниками, так сказано в обвинительных документах. Семья жила своими нехитрыми заботами и радостями. Двух старших дочерей Идалю и Амелю удалось выдать замуж. Дочери зажили каждая своим домом – отрезанные ломти.

Руцкий Гиларий Иванович, 1911 года рождения, уроженец и житель д. Лучное, Червенского района, беспартийный, крестьянин. По постановлению Особого Совещания при Коллегии ОГПУ от 12 июля 1929 года, выслан через ПИ ОГПУ в Сибирь сроком на три года. Обвинялся по ст.ст.17 и 58/10 УК РСФСР в том, что пособничал банде и активно выступал против мероприятий советской власти. Не арестовывался.

По заключению прокуратуры Минской области от 13 февраля 1992 года и в соответствии с Указом Президента СССР от 13 августа 1990 года «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20-50-х годов» Руцкий Гиларий Иванович реабилитирован.

М.В.Снегирь

Не могу сказать наверняка, а придумывать не хочу, но в 1929 году жизнь семьи была разрушена одним махом. Трое сыновей – Вацлав, Станислав и Гилярий, - а также дочь Анеля были арестованы по обвинению в «антисоветской агитации» и «пособничестве банде». «Особое совещание» вынесло обвинение по статьям УК 17,58-10УКРСФСР и приговорило к мере наказания – высылка на три года в Красноярский край. Могу себе представить каким громом среди ясного неба оказалась для семьи эта беда. Никаких документов, которые бы

разъясняли, как агитировали молодые члены семьи против Советской власти, какой банде какую помощь они оказывали, не сохранилось. Удивило другое – слишком легко отделались. Ни родителей, ни младшего брата Мечислава, ни замужних сестёр наказание не коснулось. Консультируюсь с региональным руководителем отделения «Мемориал» по Красноярскому краю, Бабием А.А., я поняла, в чём причина. Всё произошло в июле 1929-го года, когда страшные жернова репрессий ещё не перемалывали с такой яростью людские судьбы.

Подтверждение своему предположению я обнаружила, когда стала более внимательно разбирать старые документы и вчитываться в них. Сделаю небольшое отступление. Очень часто человек напрягает свою фантазию, чтобы придумать захватывающий сюжет: писатель – для своей книги, киносценарист – для своего фильма, драматург – для своей пьесы, а мне кажется, что самый необыкновенный выдумщик – это сама жизнь, она заворачивает судьбы людские

в такие неповторимые выражи, на которые не хватит у человека никакой, самой изощрённой фантазии. Ну, посудите сами: семья, пережив ссылку в Сибирь, наверное, мечтала о том, что больше не будет таких тяжёлых испытаний в их судьбе. Но вот я держу документы, которые относятся к судьбе старшего брата Гилярия - Руцкого Вацлава Ивановича. 8 марта 1938 года

Вацлав Руцкий был арестован по обвинению в антисоветской деятельности.

Говорят, что снаряд дважды в одну воронку не попадает. Не правда! Судьба Вацлава опровергает это расхожее мнение. Не могу сказать, чем вызван был этот арест. Документы, которые пролили бы свет на этот вопрос, мне пока не доступны. Удивительно другое: по отношению к арестованному 8-го марта Вацлаву Руцкому, 17-го мая 1938 года издано постановление о прекращении его дела. Я думаю, что не было вообще ничего, что оправдывало бы то тяжкое обвинение, по которому его арестовали. Более того, военным трибуналом Сибирского военного округа дело Вацлава Руцкого было пересмотрено 13-го февраля 1959 года. Он был полностью реабилитирован. Реабилитация состоялась не в 70-е, и даже не в 90-е годы, когда волна пересмотра дел репрессированных граждан нашей страны, была на особом подъёме. Уже в 1959-ом году всем было ясно, что Вацлав Руцкий был просто жертвой этого времени. Вот только самой жертве не повезло: он был расстрелян в 8-го сентября 1938-го года в г. Енисейске. Снаряд попал дважды в одну воронку и убил моего предка.

А я лишний раз убедилась в том, что репрессии 1929-го и 1938-го года были абсолютно разными по своему накалу. И для этого мне не нужен учебник истории. История в старых документах моей семьи.

А пока, в 1929-ом году далёкая Сибирь для семьи прадеда казалась, наверное, краем света. Семья была в страшном горе. Следом за ссыльными детьми туда потянулись отец и мать с младшим сыном. Не могли они оставить в беде детей, которые ехали от них так далеко, будто уходили на тот свет.

Дорога была не лёгкой, и Иван Руцкий до Сибири не добрался. Где могила моего прапрадеда сегодня не скажет никто. Вот те обстоятельства неумолимого времени, которые стирают память о человеке так, будто и не было его совсем. В моей семье сегодня память хранит только имя прапрадеда Ивана, ставшего одним из родоначальников нашей большой семьи. Ни как он выглядел, ни каким был человеком узнать уже не суждено.

Чем больше я узнаю о семье прадеда, тем больше рождается у меня предположений. Ими я поделюсь с вами на протяжении своей работы. Ну, например, откуда в семье родителей с русскими именами Иван и Мария все дети носили польские имена? Думаю, что объяснением этого может явиться непростая история белорусского народа, в культуре которого можно найти следы и русского, и польского влияния. Поэтому, я твёрдо убеждена в том, что современные политики, твердящие об абсолютной непохожести трёх родственных наций: русской, украинской и белорусской, бессовестно лгут. Тому подтверждение имена моих предков Руцких. Где русское, где польское, где белорусское – не разберёшь! Какая разница – судьба была одинаково ко всем сурова.

Сибирь суровая и нежная

Как жила семья, приехав на берега Енисея, сказать очень трудно. Почти не осталось документов об этом периоде и очень мало сохранилось рассказов, на которые можно было бы опереться. Абсолютно точно я знаю, что обосновались Руцкие в деревне Самково, которая находится в двухстах километрах севернее от Красноярска вниз по течению Енисея. Деревня глухая, кругом тайга и живописный берег великой сибирской реки. Рядом находится районный центр Казачинское, к которому, видимо, были прикреплены ссыльные «враги народа».

Предполагаю, что выживать в суровом сибирском климате им было непросто. Но ведь выжили. Это подтверждение тому, что местное население Сибири всегда принимало приезжих без враждебности и ненависти. Наоборот, жалели несчастных, у которых не было ни кола, ни двора.

Рано или поздно всё заканчивается, закончились и три года ссылки. По воспоминаниям родных, семья вернулась в Белоруссию, чтобы выправить документы. Но странное дело, на родине Руцкие не остались, а вернулись в деревню Самково, где принялись обустраивать свой быт уже надёжно и навсегда. В нашей семье такое странное поведение объясняют тем, что в родной белорусской деревни у Руцких уже не стало жилья. Но ведь его не было и в Сибири. По крайней мере, насколько я знаю, своей земли у ссыльнопоселенцев Руцких в деревни Самково тогда не было. Что же погнало их снова в суровую Сибирь?

И снова у меня есть предположение: в родных местах Руцких приняли не дружелюбно – может быть односельчан пугала тёмная биография семьи. Хоть и реабилитировали, а худая слава как грязь, долго не отмоешься. Возможно, решение вернуться в таёжную глухомань было осознанным шагом семьи. Спрятаться от длинных рук властей в сибирской тайге куда проще. Судьба Вацлава показала – зря надеялись.

Семья вернулась в Самково, где вскоре поставила собственный дом. Сруб, который приглядели в соседней деревне, сплавляли по течению реки и поставили на улице Речной, где и стоит наш дом по сегодняшний день. Мы очень горды своим домом, которому в 2018 году исполнится 100 лет. За прошедшие десятилетия новые поколения семьи подновляли дом, но он уцелел именно в таком виде, в каком его поставили в далёком 1918 году. Я очень горжусь тем, что у меня есть настоящее родовое гнездо, из которого вышли мои многочисленные родные.

Не думаю, что семья Руцких размышляла о таких вещах в те далёкие годы. Они просто приняли свою новую родину, полюбив её всем сердцем.

Молодой Гилярий Руцкий, наверное, проще, чем его старшие родственники прижился в Сибири. Красота наших мест, надежда на то, что чёрная полоса жизни кончилась, давали молодому сильному парню новые жизненные силы. К сожалению, возможности получить хорошее образование, в таёжном Самково не было. Зато, в 1937 году Гилярий окончил водительские курсы и получил специальность шофёра. Но этого ему было мало. В 1938 году Гилярий Иванович поступил в Минусинскую краевую школу НКЗ СССР по специальности автомеханика. Сохранился документ, который был получен им по окончанию учебы в 1939 году. Любопытно, что по всем дисциплинам у Гилярия Руцкого была отметка «хорошо». Вот только черчение ему не давалось. Работа, учёба, помешали Гилярию Ивановичу обустроить свою личную жизнь. А через два года грянула Великая Отечественная война. И белорусский сибиряк отправился защищать свою Родину.

Я не оговорила, назвав Гилярия Руцкого сибиряком. Эта земля, такая суровая, приняла в свои объятия несчастную семью и дала им шанс выжить. Потому Гилярий Иванович до конца своих дней был предан Сибири.

«Путь – дорога к немецким окопам...»

(С. Орлов)

Как известно 22 июня 1941 года на нашу страну обрушилась самая жестокая и кровопролитная война в истории человечества. А уже 23 июня Гилярий Руцкий был призван по мобилизации в ряды Красной Армии. Он попал в легендарную 119-ю Стрелковую дивизию, которая была сформирована в городе Красноярске ещё в сентябре 1939 года и одной из первых сибирских дивизий ушла на фронт. Гилярий был зачислен в 19-ю отдельную автороту в должности автомеханика, в звании сержанта. Этот факт вызвал ещё одно моё предположение: несмотря на свою биографию бывшего репрессированного, он до войны отслужил срочную службу. Иначе его призвали бы не сержантом, а рядовым.

О легендарной 119-й Стрелковой дивизии я должна сказать несколько слов. Уже 26 июня 1941 года дивизия двигалась в эшелонах на запад к Москве. Командовал дивизией генерал-майор А.Д.Березин. Первые свои бои дивизия приняла на подступах к Москве на Калининском направлении. Её отличали маневренность, стойкость, поэтому в литературе, которую мне удалось просмотреть, я прочитала, что дивизию бросали на самые тяжёлые участки фронта, а выходила она из окружения только после специального приказа. В 1942 году в составе 22 армии сибиряки попали в такое окружение, и прорывались из него с боями. В эти страшные дни часть солдат осталась в окружении, где создала партизанский отряд, а другая вышла к своим и вынесла дивизионное знамя.

Поэтому её не расформировали. 17 марта 1942 года одной из первых 119-я была преобразована в 17-ю гвардейскую Краснознамённую дивизию, которая впоследствии была награждена орденом Суворова II степени и получила название Духовщино-Хинганская стрелковая дивизия. Пять бойцов 17-й гвардейской были удостоены высокого звания Героя Советского Союза. Моего прадеда нет в числе этих пяти, но его боевой путь был тоже отмечен наградами, о которых я расскажу позднее.

Первый свой бой сибиряк принял 8-го октября 1941-го года у села Дубкино Смоленской области, в трёх километрах от истока Днепра. Об этом первом бое в своей жизни своим двоюродным внукам, уж, когда очень сильно донимали вопросами, он отвечал только одно: «Страшно было очень». Вообще, по воспоминаниям родных, своими фронтовыми воспоминаниями он делился очень скупно. В семье объясняют это двумя причинами: первая – Гилярий Иванович был человеком очень скромным и никогда не говорил о своих заслугах, как о чём-то выдающемся. А второй причиной мои близкие считают пережитые страдания во время войны, которые бередили душу бывшего солдата, даже спустя много лет. Поэтому в памяти близких сохранились только отрывочные короткие рассказы солдата. Например: о том, что во время боёв под Москвой ночи были светлые как днём. Только свет этот был страшный – от рвущихся снарядов с обеих сторон; о том, что «человеческим подвигам не было счёта, а героизму человеческому – предела». Вот только он никогда не рассказывал, что имеет в виду под этими словами.

Об этом мне пришлось добывать сведения самой, используя различные источники, не только документы и воспоминания, хранящиеся в семье, но и те которые сейчас можно найти на официальных сайтах в интернете. Вот что мне довелось узнать.

«Лицо, ожесточённое, войны.»

(В. Шефнер)

Помните, я начала свой рассказ с того, что, будучи маленькой, очень печалилась по поводу того, что мой прадед не был героическим лётчиком или отважным танкистом. Да что говорить, даже в прошлом году, собираясь принять участие в акции «Бессмертный полк», я сокрушалась о том, что прадед имел такую скромную военную специальность – механик. А потом, мне пришло в голову: а ведь Гилярий Иванович был награждён двумя орденами «Красной Звезды». Это орден, о котором фронтовики говорили, что его давали за кровь. Я понимаю это так, что награду получали люди, которые имели тяжёлые ранения. Я не ошиблась – у Гилярия Ивановича было ампутировано три пальца на левой

руке. Несколько раз он был контужен. Кроме этого на груди прадеда сияли медаль «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией», «За победу над Японией». Неужели, все эти награды скромный механик получил только за то, что аккуратно и добросовестно чинил поломанные машины в своей автороте. Поиск привёл меня на сайт «Подвиг народа». Найдя информацию о прадеде, я поняла всё.

Читаю: «16-го февраля 1944-го года в районе деревни Бондари Витебской области под ружейно-пулемётным обстрелом противника тов. Руцкий с двумя рядовыми сняли с отечественной разбитой машины годные детали и доставили их в автороту, этим самым поспособствовав восстановить неходовую автомашину и пустить её в эксплуатацию»; «Тов. Руцкий в р-не г. Таураген 9 октября 1944 г. с тремя слесарями из нейтральной зоны под ружейно-пулемётным обстрелом противника снял у отечественных машин ЗИС-5 брошенные немцами 4 дифирицеала, что дало возможность восстановить машины и пустить в эксплуатацию, в том же месте 10 октября 1944 г. т. Руцкий снял 3 мотора ЗИС-5 брошенного немцами этим самым подкрепил техсостояние автомашин роты. Тов. Руцкий работал слесарем систематически перевыполняет нормы работы ремонтирует качественно внёс ряд рационализаторских предложений дающих экономию материала и ускоряют ремонт в полевых условиях...»; «...16-17 апреля 1945 г. в г. Фишхаузен возглавил бригаду по сбору машин и деталей благодаря его инициативе на поле боя было подобрано и восстановлено 12 автомашин 3 мотора и один передний мост...» (орфография и стилистика документов сохранены)

Именно за эти действия на поле боя прадед и был награждён орденом «Красная Звезда» от пятого ноября 1944-го года и таким же орденом от 21 апреля 1945-го года, а так же медалью «За боевые заслуги» от 19-го апреля 1945-го года.

Перечитав это всё, я представила себе картину, которая, наверное, не очень достоверна, ведь я никогда, к счастью, не видела настоящее сражение. Но стоит мне закрыть глаза, и словно кадр из кинофильма, встаёт передо мной огромное изрытое ямами и воронками поле. Грохот и гул стоят такие, что закладывает уши. Через эту плотную пелену прорывается противный визг рвущихся снарядов. Над полем висит пелена гари, я её ощущаю, просто физически. В этом аду смешалось всё: развороченные орудия, горящие танки, тела людей, и непонятно – где свои, а где чужие. Картина первозданного ужаса, в которой нет человека, есть только огонь и смерть. И вот сквозь этот кромешный хаос я вижу солдата, который сжимаясь в комок, ползёт от одной горячей машины к другой. Я даже не понимаю, кто он и что делает. Но вот он поворачивает ко мне чёрную от грязи и порохового дыма голову, и на меня смотрит молодое прекрасное лицо с крупными чертами и светлыми зачёсанными волосами над высоким лбом.

Открываю глаза и вижу это лицо, которое смотрит на меня с единственной уцелевшей портретной фотографии, сделанной в октябре 1945-го года с Гилярия Руцкого.

На этом фото он снят уже после окончания войны с боевыми наградами на гимнастёрке, с гвардейским значком, который он носил даже в мирное время.

Может быть, мои фантазии выглядят смешно, но только теперь, когда я так глубоко погрузилась в эту судьбу, когда держа в руках документы, которых до обидного мало, когда смотрю на его фронтовые фотографии (их уцелело всего три) – я стала чувствовать необъяснимое родство с этим человеком. Словно стала угадывать его мысли и чувства, его настроения. Я не знаю, что это - может быть, тот голос крови, который, наконец, спустя 70 лет достиг моей души и обозначил неразрывную связь между мной и теми, кто стал моими родовыми корнями.

Старое фото

Отдельно мне хочется упомянуть те немногие фотографии, которые сохранились в семье со времён войны. Я никогда не видела Гилярия Руцкого в жизни, поэтому так пристально разглядываю маленькие пожелтевшие фото,

которые дают мне возможность видеть его молодым, полным сил. Вот крошечная фотография на удостоверении шофёра третьего класса от 26 августа 1937-го года. Прошло 8 лет с того момента, когда белорусский мальчишка попал в далёкую суровую Сибирь. За эти годы эта

земля стала ему близкой и родной. Уверенный и серьёзный взгляд, неулыбчивое лицо, он серьёзен и целеустремлён. Наверное, его трагическая юность определила вектор развития молодости Гилярия: работа, учёба, овладение профессией. Он усвоил главный принцип выживания в наших непростых сибирских краях: в жизни нужно крепко стоять на своих ногах, главный помощник человека – он сам себе. Ему некогда влюбляться, жениться. Большая семья, о которой необходимо заботиться: старенькая мать, сестра Анеля и брат Мечислав, которых нужно было поднимать как старшему брату. Старший брат Станислав умер рано. На

маленьком, заброшенном кладбище деревни Самково под раскидистой берёзой в скромной деревянной оградке, покоятся две могилы, украшенные старенькими памятниками. С одного смотрит строгая пожилая женщина в кружевном шарфе – это Мария Фердинандовна, мать братьев и сестёр Руцких, а рядом, с фото на памятнике улыбается задорное и юношеское лицо – это Станислав Руцкий. К сожалению, годы жизни не указаны, но я думаю, что Станислав умер ещё до войны, так как никаких документов об его участии в событиях 1941-1945-го года не обнаружено. Вот и получается, что Гилярию Ивановичу жилось в довоенное время нелегко. Отсюда и лицо на старом фото такое серьёзное и неулыбчивое.

Рисунок 1 Могилы Марии Фердинандовны и Станислава

Три другие фотографии относятся к военному времени. Все три сделаны накануне окончания войны и хотя они старые пожелтевшие, но когда я беру их в руки, мне кажется, что они цветные – таким оптимизмом и радостью веет от них. Это понятно – идёт к концу это страшное безумное лихолетье. Все три фотографии относятся к 1945-му году. Вот снимок, сделанный в Восточной

Пруссии 9-го января 1945-го года. На нём бойцы автомобильного батальона 17-й гвардейской стрелковой дивизии снялись на память. В первом ряду четвёртый справа – Гилярий Руцкий. Фотография всегда вызывает у меня улыбку. И не только потому, что brave серьёзные бойцы поместили в центре своего фото забавную маленькую собачку,

которая как настоящий гвардеец выпрямилась по стойке «смирно». Оказывается, четыре года страшной войны не убили в этих людях чувство юмора. А какие они brave, подтянутые, с наградами на груди. Настоящие победители. Но однажды мне пришла в голову мысль: «Сколько же из них, снятых на этом фото, дожили до мая 1945-го года!?» Я ведь читала о том, какие страшные бои шли в эти последние месяцы войны в Восточной Пруссии.

А вот фотография, которую Гилярий Иванович не подписал. На ней нет ничего, кроме даты – 1945-й год. Но судя по всему, фото постановочное, сделанное, возможно, в каком-нибудь ателье прусского городка. На нём трое бойцов, из которых Гилярий Руцкий в центре, сидят за круглым столом. Как не вяжется их внешний вид (растоптанные сапоги, застиранные до белизны гимнастёрки) с интерьером, в который поместил их местный фотограф. И нарядная скатерть, и горшок с цветком, и хрупкие чайные приборы, так не соответствуют натруженным тяжёлым мужским рукам и не улыбающимся лицам.

Наверное, они выбрали такую обстановку, чтобы вспомнить, хоть на секунду, ту мирную жизнь, которая почти стёрлась из их памяти в пожарищах войны.

Последнее военное фото было сделано 28-го сентября 1945-го года. На обратной стороне Гилярий Иванович написал: «Для воспоминания родным». Именно это лицо представлялось мне в том страшном сне на чёрном поле боя, о котором я писала. Я смотрю на него, и каждый раз поражаюсь: каким красивым был мой далёкий прадед, о котором я знаю так не много, но который за это время стал мне таким близким. Мне иногда даже кажется, что я встречала его в детстве в нашем старом доме в деревне Самково, где провожу каждое лето с тех пор, как помню

себя. Я ловлю себя на мысли, что я слышала его голос, когда он водил меня на речку. Видела, как вечерами он сидит возле старенькой бани и покуривает

папиросы, думая о чём-то своём. Наверное, это происходит, потому что последнее время я так много обращалась к тому, чтобы узнать о прадеде больше, чем знала три года назад, глупенькой шестиклашкой, сокрушавшейся о том, что Гилярий Руцкий не был героическим лётчиком.

«Я вырвался из тьмы огня...»

(С. Орлов)

Война для Гилярия Руцкого в мае 1945-го года не закончилась. 17-я гвардейская была переброшена 13-го мая 1945-го года на восток. Впереди предстояла война с милитаристской Японией. О том, что переживали Гилярий и его однополчане, я прочитала на ветхих от старости листах благодарности, которые вручались бойцам дивизии в сентябре 1945-го года. Там записано, что дивизия совершила «...героический поход через безводные пустыни Монголии и горные перевалы Большого Хингана и через всю Маньчжурию...». Действительно 13-го июня 1945-го года дивизия разгрузилась у города Чойбалсан и совершила за десять дней марш в 360 километров. 11-го августа 1945-го года произошла первая стычка с японским отрядом, а 23-го августа того же года последний бой с японцами у станции Дебоссы, за что дивизия получила почётное наименование «Хинганская». Окончание войны Гилярий Иванович встретил 4-го сентября 1945-го года в районе г. Порт-Артур.

В красноармейской книжке Гилярия Ивановича я нашла следующую запись:
«1. Участник в Великой Отечественной Войне с 23.06.1941 по 9.05.1945 г.
2. Участник в войне с Японией с 9.08.1945 по 3.09.1945 г.»

Значит, мой прадед прошёл и Великую Отечественную и Вторую мировую войны, почти, что называется, от звонка до звонка. Наверное – это было особое солдатское везение, так как ему посчастливилось остаться в живых; он не попал в другую часть на протяжении всей своей военной судьбы. За эти кровавые годы погибали и уходили те, с кем он тянул нелёгкую солдатскую лямку; менялись названия его родной дивизии, но ощущение солдатского братства, представление о своей воинской части, ставшей для него на это страшное время подобием родного дома, не покидали его никогда. В этом он признавался сам, говоря о своём солдатском везении.

Мне трудно представить, как может везти на войне. Видимо, так устроен человек, – в какие бы страшные обстоятельства не бросила его жизнь, он старается думать не о прошлом, а о будущем. Я уверена, что каждый из однополчан Гилярия, также как и он строил планы своей послевоенной мирной жизни. Только, сколько же из них эти планы сумели осуществить!? В военную

статистику я не заглядывала. Знаю одно – моему прадеду повезло. В ноябре 1946 года он был демобилизован и вернулся в родное Самково.

И ещё об одном эпизоде, связанном с семьёй Руцких и с событиями Великой Отечественной Войны я не могу не упомянуть. В ходе работы всплывали всё новые и новые факты из истории семьи Гилярия Ивановича.

Война опалила не только его, но и его близких, которые остались в родной далёкой Белоруссии. Одна из сестёр – Идаля – в 1927 году вышла замуж за своего односельчанина Иосифа Тумиловича. Молодая семья, переехав на другой край Лучного зажила счастливой жизнью. Через год, в 1928 году, у молодых родился сын Альберт. Может быть, это было одной из причин, по которой Идаля Руцкая-Тумилович избежала ссылки в Сибирь с остальными членами семьи. Она осталась в родной Белоруссии, семья росла: вскоре у супругов появился второй сын Янок и дочери Ядвига и Янина. Младшая дочь родилась в 1940 году, накануне войны. А дальше случилась история, которая могла бы стать сюжетом для военной повести.

Зимним вечером 1944 года семья Тумиловичей протопила баню и после того как Идаля помыла детей, уже в темноте раздался стук в окно. Всем известно, что во время Великой Отечественной войны Белоруссия была одним из центров партизанского движения. В районе деревни Лучное тоже был партизанский отряд, некоторые жители деревни оказывали партизанам посильную помощь. Вот и Идаля пустила несколько человек помыться в недавно протопленной бане.

А на утро местным полицаям кто-то донёс об этом. Расплата наступила немедленно. В дом Тумиловичей каратели явились, когда Идаля с детьми находилась у соседки. Тут же расстреляли родителей её мужа, и чтобы спасти от расправы соседей, Идаля бросилась домой. Но перед этим велела старшим детям

Рисунок 2 Тумилович Янина Иосифовна

бежать в лес и не возвращаться до темноты. Забыв о том, что на руках у неё была годовалая Янина, она побежала к своему дому, но опомнившись, бросила в сугроб ребёнка, в надежде, что девочке не надут замёрзнуть старшие дети.

Страшная судьба постигла старшую сестру Гилярия Ивановича. К счастью, дети уцелели. Их подобрала жители Лучного, а после освобождения Белоруссии их разбросало по детским домам.

После войны Гилярий и Анеля Руцкие долго искали племянников. Найти удалось только Янину, которой тогда исполнилось уже 16 лет. Её привезли в Сибирь, где в семье Анели Руцкой-Довнар Янина Тумилович осталась жить. И сегодня Янина

Иосифовна, которой исполнилось 76 лет, живёт в нашем городе. Это она и рассказала о трагической судьбе старшей дочери семьи – Идали Руцкой.

«За тех, кто до этого дожил...»

(Б. Костров)

Моя фантазия снова услужливо подбрасывает мне очередную картинку: заснеженная сибирская тайга, уснувший под толстым одеялом льда Енисей, и деревенские домики, над которыми вьются дымки из печных труб. По плохо расчищенной улице, где сугробы по обе стороны в рост человека шагает-торопится солдат. От мороза горят лицо и уши, изо рта валит пар, потому что он спешит добраться скорее до одной из изб. Ещё пара шагов, скрепит снег под озябшими ногами, обутыми не по погоде в кирзовые сапоги, и вот родная калитка!

Так я представляю себе возвращение Гилярия Ивановича домой. К сожалению, семейные документы не сохранили сведений о том, была ли жива к тому времени мать, Мария Фердинандовна, но я точно знаю, что родные счастливые лица солдат увидел в те ноябрьские дни. Это лица тех, кто ждали его всю войну: родная сестра Анеля, которая к тому времени была уже замужем, а её дом находился напротив дома Руцких. Рядом с ней, наверняка, крутился шестилетний мальчонка, её родной сынок, а Гилярию, следовательно, родной племянник – Антон. Этот мальчик станет в будущем Заслуженным художником России и моим родным дедом – Антоном Аркадьевичем Довнаром.

Мирная жизнь налаживалась трудно. Нужно было подправить обветшавший дом, определиться с будущей работой, чтобы была по душе. В 1948 году Гилярий Иванович принят на должность инженера-механика в Казачинскую автороту, которая являлась военным предприятием и осуществляла автообслуживание Казачинского района (грузовые и пассажирские перевозки). Заметили, Гилярий Иванович, не имея высшего образования, стал инженером. Это говорит, по моему мнению, только об одном: настоящих квалифицированных кадров катастрофически не хватало после войны. В 1963 году он будет переведён на должность мастера – значит, уже подросли и выучились настоящие инженеры, которым Гилярий Руцкий уступил своё место, несмотря на огромный опыт работы. Опыт такой, какой им молодым и не снился. Потому что, вряд ли, они знали как под шквальным огнём во время боя, раздирая в кровь руки, снимать с развороченной машины детали, тащить неподъёмный груз в безопасное место, а потом собирать вполне пригодную для работы машину из того, что есть под рукой. Но этот опыт остался с ним навсегда, и он был рад, что его не надо передавать молодому поколению.

Работал в этом предприятии Гилярий Руцкий 22 года. Работал честно и добросовестно, как всё, что делал в жизни. Старые, почётные грамоты мы бережно храним. Вот эта за 1956 год была ему вручена «за высокие производственные показатели в социалистическом соревновании». 1957 – администрация автороты награждает его почётной грамотой за то, что он оказывает огромную помощь в обучении молодых специалистов. 1958 год – его благодарят «за хорошее обслуживание автомашин по их ремонту и досрочному вводу в эксплуатацию». 1964 год – его чествуют, как победителя соц. соревнований.

Его жизнь близится к закату, но судьба, словно в награду, за нелёгкую прожитую жизнь, делает ему ещё один подарок. В 1969 году он, наконец, найдёт своё личное счастье – его женой станет Вильчинская Юзефа Иосифовна. Они живут в старом родительском доме, к нему уважительно и доброжелательно относятся соседи, он ещё имеет возможность встречать однополчан, для чего отправляется 9-го мая в краевой центр – город Красноярск. Наверное, его печалило только одно – своих детей Гилярий Иванович так и не завёл, но подрастал любимый племянник Антон Довнар. Каждое лето он приезжал в родное Самково и жил в доме Руцких. Сначала один, а потом с женой и дочерьми. Не удивительно, что Гилярий Иванович завещал старый родовой дом моему деду, который сегодня вся наша семья считает своим родовым гнездом.

Гилярия Ивановича Руцкого не стало 9 декабря 1986 года, он умер в возрасте 74-х лет. Я держу в руках последнюю фотографию, с которой на меня смотрит усталый пожилой человек, проживший большую и трудную жизнь. На его груди поблёскивают награды, а глаза обращены в то неведомое, что пришлось ему пережить.

На тихом самковском кладбище сегодня покоятся рядом друг с другом члены семьи Руцких. Могила Гилярия Ивановича – по соседству от могил матери и брата, только памятник на могиле более современный, так как ставили его совсем недавно. Наша семья – бабушка, мои родители,

Рисунок 3 Могила Руцкого Гилярия Ивановича

тётушка и её дети – все мы, проводя лето в Самково, обязательно обихаживаем могилы семьи Руцких. А теперь, когда я ближе узнала непростую историю этой веточки моей родословной, они стали для меня не просто родными, а родными, по сути, потому что я стараюсь не забыть строки Вадима Шефнера:

«И сказала память: «Я могу
Всё забыть, но нищим станешь ты.
Я твои богатства стерегу,
Я тебя храню от слепоты».

Я не хочу быть слепой, потому и обратилась к этой теме. Я убедилась, работая с документами своей семьи, что былое не только стоит помнить. Это долг, который мы обязаны выполнить перед своими предками. Потому и родилась эта работа.